

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ВЫСОКАЯ ПРОСТОТА

К 80-летию со дня рождения Николая Черкасова

В наш век пристрастий многих прославленных корифеев западной литературы к сложным, трудно постигаемым душам с их противоречивыми тайнами и пугающими глубинами я хотел бы восславить простодушие.

Простая душа... Слишком просто. Душа, исполненная простоты? Да нет, проще: простая душа.

Именно это вспоминается мне, когда я думаю о человеке, великом художнике, которому сегодня было бы восемьдесят лет. Позволяю себе сказать только восемьдесят, мир заметно подобрел и многим позволяет жить и прекрасно трудиться в этом, когда-то граничившем с феноменом возрасте.

Все-таки трудно применять слова. Даже совсем простые. Когда-то в моде было выражение «простые люди». Предлагалось умиление по поводу «простых», не претендующих на шумную славу людей. Вынужден покаяться: сам поддался моде, назвал так не стоявший положенных на него трудов свой фильм.

Народ, все подмечающий («простой народ»), обмолвился поговоркой: «простота хуже воровства». Нет, не о такой простоте, не о скудости ума и глубин говорим мы, повторяя эти слова — «простая душа». Именно так называется многими необычайно высоко почитаемый флорберовский рассказ. Но там — именно умиление отчужденностью от того, что казалось враждебным и Флоберу, и восторгавшемуся им Толстому.

Замечательный актер Советской страны Николай Константинович Черкасов был, на мой, вероятно, оспоримый взгляд, поистине простодушным человеком. Так как он был актером, позволено привести слова хорошего театрального журналиста об одном драматурге дореволюционной поры. Журналист пишет, что в этом драматурге его поразили глаза — как бы двойные: веселый, ясный, сердечный взор, а где-то в глубине, словно завеса, и другие глаза — иронические, может быть, озлобленные.

Черкасова нередко возмущало многое, что омрачало жизнь — бессердечие, безответственность, плохая работа, тупость. Но нет, он не злился, он просто не умел злиться, он как бы удивлялся вслух, что такое может существовать. Не было в этом никакой озлобленности, где-то там, в глубине глаз, никакого двойного зрения. Сердился он открыто и, я бы сказал, оптимистически.

Вспоминаю один такой типичный для Черкасова случай. Было это вскоре после войны, очень было трудно с жильем. Одна сотрудница «Ленфильма» в слезах сообщила мне, что живет с мужем и дочкой (дом их был разбит, муж вернулся с фронта) в конце кори-

дора за занавеской, на сундуке. И вот в той же квартире освободилась крохотная комната, ушла из жизни хозяйка комнаты, старуха. Если бы... Мы с Черкасовым немедленно пошли к председателю райсовета. Он, конечно, просиял при виде любимого актера. Но не успели мы заикнуться о комнате, как он сразу закричал, что знает уже, еще до кончины старушки звонили люди с семь-

ями в ужасном положении. И вдруг этот израненный большой человек разрыдался. Выходя, Черкасов сказал мне: «Хотел бы я дожить до дней, когда много, много домов, квартир, комнат будет. Обязательно будет!»

Он не дожил. Умер, едва перешагнув сравнительно молодой сегодня возраст — шестидесять. Взысканный славой, пожалуй, самый популярный артист не только в Ленинграде, где его знали и обожали решительно все, он был самым «простым» на моей памяти. Он попросту не мог не «по-простому» беседовать с людьми, рассказывать и — играть.

Позвольте, но образы, созданные им, подчас невероятно сложны. Он блестяще воплотил образ одного из самых сложнотеленных правителей России — Ивана Грозного. Помнится он всем нам в роли полузагадочного царевича Алексея. И не так уж прост депутат Балтики профессор Полежаев, изображающий «пышное празднество» перед ненавистным ему «сложным» и гадким вчерашним другом.

Но «лицедейство» — это особая статья. Здесь вступает в дело энергия творческого дарования, что когда-то именовалось «благодатью» (ничего церковного в этом слове нет, прекрасное русское слово). Ивана IV он играл великолепно, просто и от души, как великолепно и просто играл недотепу Лошака в фильме «Горячие денечки».

В наследстве его имеются и не слишком удачно сыгранные роли. Вернее, не сыгранные им, ибо играть нечего было, уж очень плохо написанные и придуманные образы. Ничего не поделаешь, и такие встречались.

Но ролей, образов поразительных у Черкасова было невиданно много, пожалуй, больше, чем у других замечательных советских актеров. Ну, скажите, кто же из нас забудет Паганеля, волшебного Паганеля с его гимном улыбке! А проходящий через три возраста поразительный герой в пьесе Жака Деваля «Мольба о жизни»?

Пусть простят меня, не полностью я принимаю Черкасова — Дон Кихота в фильме и терплюсь в догадках: почему это? Ведь и сценарист Евгений Шварц, и режиссер Козинцев, и блистательно сыграл Черкасов этого же героя в Тюзе... Но — бывает, бывает. И до смерти жаль, что не увидели наши зрители малюсенького эпизода в одной из незаконченных картин, где Черкасов играл озлобленного юнaka, кулачка — и как играл. Просто мороз по коже проходил у нас, видевших.

Черкасов, как все советские люди, не только ненавидел войну. Вспоминаю, как он рассказывал мне о своей поездке в блокадный Ленинград. Он был бледен, и его памятный всем нам, изумительный голос в полном смысле слова, нет, совсем не актерски дрожал. Но Черкасов знал, что дело не только в ненависти к войне. Дело во лжи людей, которые войну мастерили на всем протяжении нашего века, обманывая народы, в том числе народ своей страны, всяческими отвратительными рассказами о «советской угрозе».

Черкасов полагал партийность таким же простым, неотъемлемым от жизни делом, как свой труд, семью, самую жизнь. Он был превосходным оратором, и слушатели твердо знали: дело не в том, что голос его неповторим, что говорит он умно, умело, мастерски. Просто говорит он от всего сердца, от всей души.

Получив Ленинскую премию, он выступал на вечере в его честь в Доме кино — ну, так просто, так весело, так творчески, что зал разразился овацией. Веселая простота, простота веселости, радость от того, что живешь, творишь, — попросту взахлеб.

«Светлая память о нем останется надолго, навсегда в народе». Нередко мы читаем и слышим эти слова, когда уходят от нас большие люди. И это точные слова. Память о Николае Черкасове — подлинно народном артисте — живет, и она подлинно светла.

Но как же хотелось, чтобы в день его восьмидесятилетия можно было бы не только вспомнить о нем, но и снять трубку, позвонить и поздравить. И вновь услышать его неподражаемый, полный света и юмора бас: «Спасибо, нет ли ролики подходящей?»

Леонид ТРАУБЕРГ.